

«В этой книге я в каждой истории того или иного человека вижу свою настоящую боль за родной клуб. Мне было интересно все это читать. Каждый хотел чем-то помочь "Спартаку"».

Евгений ЛОВЧЕВ, чемпион СССР 1969 года,
лучший футболист Советского Союза 1972 года

«Книга — очень интересная. Желаю, чтобы тираж ее был не 20, а 200 тысяч! Ведь спартаковских болельщиков — миллионы! В издании действительно присутствуют прекрасные личности. И там раскрывается характер каждого из собеседников. Спасибо тебе, Игорь!»

Геннадий ЛОГОФЕТ, июнь 2011 года,
из презентации первого издания книги
в Центральном доме художника на Крымском Валу

«По моему глубокому убеждению, эта книга полезна для поклонников "Спартака" всех возрастов. Я сам спартаковец с 1985 года и для меня "быть спартаковцем" значит многое — можно сказать, формула самоопределения.

Безошибочно верное решение — прямая речь легендарных игроков всех времен, точно и тонко передающая настроение, атмосферу известных фактов, а также событий, о которых до этого момента мы были пока лишь слышаны. Со всей искренностью надеюсь, что эта книга послужит прекрасным "допингом" к победным временам».

Денис МАЦУЕВ,
пианист, болельщик «Спартака»

«Читатель чувствует себя погруженным в мир роковых страстей, жестокой вражды и пылкой дружбы, в мир фантастических интриг и затяжных коммерческих войн. Если он узнает, что все это из-за простого кожаного мячика, то половина впечатлений теряется. Поскольку я ничего не понимаю в футболе, для меня книга Рабинера — удивительная повесть Шекспира с Оуэном и Жюлем Верном».

Дмитрий БЫКОВ,
писатель, февраль 2011 года

«Сверхидея автора — связать поколения спартаковцев откровенными рассказами о себе. ”Дедушка“ Симонян встает к исповеди, и журналист в сутане непринужденно включает диктофон, чтобы однажды ”внук“ Павлюченко узнал, чем жил легендарный бомбардир. Потом они меняются местами, а контора пишет. К общему знаменателю все монологи сводят киты спартаковской истории — Старостин, Бесков и Романцев.

Самая пронзительная интонация в рассказе: Владимир Маслаченко. Этот голос мы вживую больше не услышим никогда. В записях, в том числе и диктофонных, он, без сомнения, сохранился десятками копий, но Рабинеру действительно удалось переложить строй речи Никитича в знаки на бумаге».

Роман ТРУШЕЧКИН, журнал ProСпорт

«Автор выстраивает исследование с помощью монологов. Симонян, Ловчев, Дасаев, Тихонов и многие другие герои видят ситуацию в клубе по-своему. В этих противоречивых наблюдениях и заключена соль. Солит Рабинер умело, оттого и книга читается на одном дыхании. Иногда даже со скупой спартаковской слезой».

Павел ВАСИЛЬЕВ, журнал «Московский спорт»

«Свой дух и традиции, юмор и отношение к ветеранам, и еще терпение, о котором так захватывающе — заслушаешься — говорит Георгий Ярцев. Все это укладывается в слово ”история“. В этой книге их собрано очень много: забавных, трогательных, красивых, ошеломительных, страшноватых, таких, в которые с трудом верится, но все-таки верится. Это же, как-никак, футбол, — значит, все может быть».

«Книжное обозрение»

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ИСАЕВ «РАДИ ”СПАРТАКА“ СТАРОСТИН ДАЖЕ НЕ ОБЕДАЛ!»	9
Геннадий ЛОГОФЕТ «РОКФЕЛЛЕР БЫ В ГРОБУ ПЕРЕВЕРНУЛСЯ!»	44
Валерий РЕЙНГОЛЬД «СТАРОСТИН СКАЗАЛ: ”С ТВОЕЙ ФАМИЛИЕЙ ПРОБИТЬСЯ В СБОРНУЮ БУДЕТ ТЯЖЕЛО“. НО Я НЕ СТАЛ ЕЕ МЕНЯТЬ»	72
Анатолий КРУТИКОВ «ПОСЛЕ ВЫЛЕТА ИЗ ВЫСШЕЙ ЛИГИ ГОД НЕ ВЫХОДИЛ НА УЛИЦУ»	96
Юрий ГАВРИЛОВ «В ТАРАСОВКУ ПРИЕЗЖАЛ НА ОТЦОВСКОМ ”ЗАПОРОЖЦЕ“ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ»	119
Вагиз ХИДИЯТУЛЛИН «СТАРОСТИН РАССКАЗЫВАЛ НАМ, КАК ПОЖИМАЛ РУКУ ЛЕНИНУ»	144
Станислав ЧЕРЧЕСОВ «НЕПОПУЛЯРНЫЕ РЕШЕНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПО ТИТОВУ, ПРИНИМАЛ Я, И ТОЛЬКО Я»	176

Валерий КАРПИН "ПРИВЕЗ" РЕШАЮЩИЙ ГОЛ И РАСПЛАКАЛСЯ В РАЗДЕВАЛКЕ. ПОДОШЕЛ ЧЕРЕНКОВ: "ВАЛЕРА, ЗНАЮ, ЧТО ТЫ НАМ ЕЩЕ ПОМОЖЕШЬ"	219
Дмитрий АЛЕНИЧЕВ «УСТАНОВКИ У ЯРЦЕВА НЕРЕДКО ПРЕВРАЩАЛИСЬ В ПРОГРАММУ "ВОКРУГ СМЕХА"».	250
Роман ПАВЛЮЧЕНКО «В ЖИЗНИ ИГРАЛ ДЛЯ ДВУХ ТРЕНЕРОВ — ХИДДИНКА И ФЕДОТОВА. А ПОДЛОГО ЧЕЛОВЕКА СТАРКОВА ОДНАЖДЫ ХОТЕЛ ТРЕСНУТЬ ПО БАШКЕ»	301
Денис ГЛУШАКОВ «В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ "СПАРТАК" СТАНЕТ ЧЕМПИОНОМ, КОГДА БУДУ В НЕМ ГЛАВНЫМ ТРЕНЕРОМ!»	326
Георгий ЯРЦЕВ «БУДЬ МЫ С РОМАНЦЕВЫМ ВМЕСТЕ, ТИХОНОВ И КЕЧИНОВ ИЗ КОМАНДЫ БЫ НЕ УШЛИ»	374
Послесловие НЕ ИЗМЕЛЬЧАЙ, «СПАРТАК»!	428
Благодарности	441

Анатолий ИСАЕВ

«РАДИ "СПАРТАКА" СТАРОСТИН ДАЖЕ НЕ ОБЕДАЛ!»

Я ВСЕГДА СЧИТАЛ ДОМ ФУТБОЛА НА ТАГАНКЕ средоточием официоза и конъюнктуры. Но после 2010 года мое отношение к нему полностью изменилось, и когда впоследствии я услышал, что его собрались то ли закрыть, то ли перепрофилировать, мне стало немного грустно.

Потому что в 2010 году в этом нарядном желтом здании мы разговаривали с Исаевым.

Встретились в эпицентре живого, не заформализованного разговора о футболе в офисе РФС — кабинете Никиты Симоняна. Почти шестьдесятю годами ранее два этих легендарных человека впервые вместе вышли на поле в красных футболках с белой полосой — от одной этой мысли бросало в почтительную дрожь. Не говоря уже о том, что в 1956-м, за сорок четыре года до нашей беседы, они в Мельбурне завоевали золотые медали Олимпийских игр. Вместе они трижды становились победителями союзного первенства в роли игроков «Спартак», в 1962-м главный тренер Симонян привел к чемпионству капитана команды Исаева, а в золотом 1969-м Анатолий Константинович уже помогал Симоняну в тренерском штабе. И Никита Павлович говорит, что лучше ассистента, чем Исаев, у него в жизни не было...

78-летнему (на то время) Анатолию Константиновичу уже было трудно ходить, но неистощимый на идеи Симонян увлекал его всевозможными ветеранскими затеями, к которым Исаев не мог оставаться равнодушным. Потому и не засиживался дома, ехал

к другу на Таганку. За одно то, что благодаря Симоняну ветераны всегда чувствовали себя востребованными, Никите Палычу нужно в ножки поклониться.

А еще — отдать должное тем, кто придумал ежемесячный турнир «Негаснувшие звезды», во время которого мы и договорились об интервью. В тот октябрьский день в динамовский манеж пришли все четыре спартаковца — олимпийских чемпиона 1956 года: Симонян, Исаев, Ильин и Парамонов. Последний, хорошо знавший французский язык, однажды спросил Мишеля Платини:

— Есть ли еще где-нибудь в Европе такие турниры для ветеранов?

— Мне о таком неизвестно, — покачал головой великий француз, тогдашний президент УЕФА. — У меня на родине — точно нет.

А ведь какими счастливыми хотя бы на несколько часов благодаря этому соревнованию становятся люди, которые когда-то дарили столько радости болельщикам. Вспомнить былое (тем, кто помоложе — прямо на поле, а кто постарше — просто в общении), с головой окунуться в прежние годы — есть ли лучший способ для того, чтобы жизнь вновь наполнилась смыслом, чтобы ушло ощущение «все лучшее уже позади»?

Проговорили мы почти четыре часа — так, что даже проходивший мимо нас тогдашний президент РФС Сергей Фурсенко забеспокоился о последствиях этой марафонской беседы для здоровья Исаева. Когда диктофон был выключен, я извинился перед Анатолием Константиновичем за то, что отнял у него столько сил.

— Да что ты! — махнул он рукой. — Мне, наоборот, разговор легко и приятно дался. Вспоминал-то о вещах, которые мне так дороги...

Весной 2007-го на огромном поле аэродрома в Тушине именно Исаеву было доверено зачитать послание к потомкам, заложенное в капсуле в фундамент будущего спартаковского стадиона. В первом издании «Спартаковских исповедей» в 2011-м я писал: «Дай бог, чтобы Анатолию Константиновичу и другим великим красно-белым старикам довелось посмотреть с трибуны нового стадиона "Спартак" первый матч, о котором мечтали столько поколений игроков и болельщиков...»

Исаев — успел. Причем побывал он не только на арене в Тушине, открытой в 2014-м, но и в чудесном клубном музее. Торжественная церемония его открытия состоялась 26 марта 2016-го, и туда пришли три олимпийских чемпиона-1956 — Симонян, Парамонов и Исаев.

Жить Анатолию Константиновичу оставалось считанные месяцы — в июле того же 2016-го его не стало. И единственного пока чемпионства, добытого на новой красно-белой арене в 2017-м, он не увидел...

Предложение зачитать послание к потомкам стало для меня интересным и неожиданным. Обычно у нас Симонян с Парамоновым в торжественных случаях подобающие слова произносят. Я же — вообще не говорун. Будь у меня речь получше — может, и главным тренером стал бы.

Но тут ни Никиты Палыча, ни Алексея Александровича в Москве по каким-то причинам не было. И эту честь оказали мне. Узнал я об этом прямо там, в Тушине. Попросил только о возможности с текстом заранее ознакомиться — не буду же читать его, не зная, о чем речь идет!

Нам ведь еще в пятидесятых руководители обещали построить для «Спартака» стадион — правда, в Сокольниках. Я еще, помню, пошутил, что, когда построят, мы уже закончим играть и будем стоять у входа контролерами. А потом — то денег нет, то землю не дают... Так до сих пор и ждем.

Конечно, мечтаю и сходить на первый матч. Правда, если врачи пустят. А еще — если пригласят. Я ведь много последних лет почему на футбол не хожу? Пришел как-то еще на старый «Локомотив» — кто играл, не помню. У меня было только удостоверение заслуженного мастера спорта СССР. На входе спрашивают:

— Что это такое?

— Пропуск на все стадионы России, — говорю.

А они мне:

— Не знаем такого пропуска.

Полчаса уговаривал, объяснял, что олимпийский чемпион. Так стыдно было... Какая-то женщина мимо прошла — ее сразу пропустили. Я возмущился:

— Как же так?

— У нее пропуск есть, а у вас — нет.

Хорошо, что меня администратор «Локомотива» Анатолий Машков увидел — и тут же провел. А если бы его там не оказалось?

И я сказал себе — все. Тем более что публику нынешнюю, признаться, даже боюсь. Помню, в 1993 году, после тяжелой болезни, едва выйдя из больницы, пошел на какую-то игру «Спартак». Слабенький еще был — и ехал с ними в метро после матча. Ладно то, что узнавали только старые болельщики — на другое и не рассчитывал. Откуда молодым-то знать? Но они меня чуть не растоптали! Чувствовал: если сейчас толкнут — упаду и уже не встану. Я ведь тогда заново учился ходить. Врач сказала, что мне обязательно нужно ходить по четыре километра в день. Четыре, конечно, не прохожу, но каждый день час гуляю, невзирая на снег, дождь, жару... Я должен выйти для того, чтобы жить!

Первое мое знакомство со «Спартаком» состоялось в 1947 году — и получилось оно таким же неожиданным, как и просьба прочитать послание к потомкам. Я жил в одном доме с рабочими карбюраторного завода — филиала автозавода имени Сталина, будущего ЗИЛа. То есть место у нас считалось торпедовским. И вот однажды к нам во двор пришел полузащитник «Торпедо» Вячеслав Орлов. Он собирал мальчишек для того, чтобы вручать цветы на финале Кубка СССР между «Торпедо» и «Спартаком». Кажется, тогда мы играли в футбол, — а может, просто стояли и разговаривали. И Орлов меня пригласил. У меня аж дыхание сперло!

Он назначил нам встречу там, где базировался клуб «Торпедо». Нас посадили в автобус вместе с командой и повезли на игру. Я просто обалдел — видеть рядом Пономарева и других игроков! Сидел и дрожал, глядя на них. Но болел-то я не за «Торпедо», а за «Спартак», потому что моя старшая сестра работала там бухгалтером, а потом стала заведующей финансовым отделом городского

совета «Спартака». Работать в клубе и не болеть за него в ту пору было невозможно.

Сестра ходила на парад 7 ноября — а тогда одной из его частей был парад физкультурников. И принесла мне оттуда домой спартаковский красный свитер с белой полосой, в котором шла по Красной площади. С тех пор вопроса, за кого болеть, у меня не возникало. И хоть приехал я в автобусе с торпедовцами, так рад был, что «Спартак» выиграл 2:0!

Всю игру мы организованно сидели на трибуне, а потом, будучи в торпедовских футболках, вручали цветы спартаковцам. Кому именно — правда, не помню. В памяти сохранилось только ощущение радости — но, с другой стороны, и неудобства, что я в майке «Торпедо»... Мне тогда было пятнадцать лет.

Войну мы пережили тяжело. Отец на фронте, сестре тринадцать, мне — девять. Мама работала днем и ночью, чтобы нас прокормить, но были свои обязанности и у меня. В нашем доме была булочная, так я ночь не спал, чтобы затемно занять очередь и первым купить бублики. Их было немного, на всех не хватало.

Но покупал я их не для того, чтобы съесть. А ехал на рынок в Михнево, за сто километров от Москвы. В городе тогда рынков не было — все уничтожили, чтобы диверсанты не навредили. Всклакивал на подножку и в таком положении спал, пока ехал! И как не свалился только? Главным было, чтобы бублики не украли. Продавал их, а на вырученные деньги покупал мороженую картошку. Черную. Вез домой и из отрубей, которые мать где-то доставала, пек лепешки.

Я знал, что такое хлеб. Вижу батон, есть хочется, мать на работе — и я все подрезаю, подрезаю... Она приходит с работы, а там остается всего ничего. Она мне тихо:

— Сынок, не стыдно тебе?

Но как в девять лет поймешь это: купить хлеб — и не есть его? Ели тогда все, что под руку попадалось — и крапиву, и ботву, из них варили пустые щи. Но закалку это дало крепкую.

Еще помогал матери дежурить по дому. Когда подходила ее очередь, а она работала, я лазил по крыше и скидывал с нее «зажигалки» — термитные зажигательные бомбы, которые немцы тысячами сбрасывали во время авианалетов. Одну даже домой принес, да товарищи меня «заложили». Пришла милиция, и маме гово-

рят — ваш, дескать, бомбу взял. Я ее на кухне под стол положил — она такая симпатичная была, вся блестела. А если бы вспыхнула?..

Но в войну мы все же погорели. У нас была одна комната на верхнем, пятом этаже, а на первом жил пожарный. Так он вместо того, чтобы тушить пожар, его, не загасив папиросу, устроил. Полкомнаты у нас сгорело — так и жили. Слышали, как крысы бегали по чердаку: ночью, выходя в туалет, приходилось пошуметь, чтобы твари эти разбежались. Ужасные, короче, были времена.

Но все перевесило то, что отец живым вернулся с фронта. Они с мамой работали в одном сборочном цеху — он кладовщиком, а она слесарем-сборщиком: зеркала собирала. В футбол отец не играл, а я — и в футбол, и во что угодно. Зимой по льду гонял консервную банку. Потом уже, спартаковцем, приехал туда, чтобы посмотреть те места, где начинал. И был потрясен: как там можно было развернуться, если посередине двора была песочница, а вокруг — лавочки?! Перекидывали мяч через стенки песочницы — и бегали.

Сколько стекол расколотил! Шлепали за это, конечно. Я во дворе был самым хулиганистым, а иначе в футбол бы и не пробился. Потом играл за улицу, позднее — за район. О настоящих мячах, конечно, и не мечтали. Чулок тряпками набивали, чтобы было что-то похожее на мяч — и носились. Зимой такой «мяч» к валенкам прямо прилипал. Так технику и отрабатывали...

А сколько ботинок порвал! У матери были туфли с маленьким каблуком, и я приспособил их для игры. Разбил начисто! Она стала искать, а когда нашла, чуть меня не поколотила. А еще у отца были такие рабочие сапоги-«говнодавы». Они под диваном долго-долго лежали, я их откопал, надел — оказались размера на три больше. Как на носок мяч поймал, ударил с лета — тут же разорвались, потому что велики были. Припрятал, чтобы отец вообще о них не вспомнил — но он все-таки нашел. Досталось мне прилично, даже ремнем.

Поэтому родители и не хотели, чтобы я играл в футбол — он у них с порванной обувью ассоциировался. Они не понимали, что за это мне будут платить деньги. Я, правда, тоже не понимал. И даже не осознавал, что играю хорошо. Просто нравилось. Как страдал, когда мать после войны отправила меня в деревню на отдых, а там в футбол никто не играл! Табуны стерегли, спали на стогах, верхом на лошадях ездили — а футбола не было.

Осенью 1951-го тренер московского ВВС Гайоз Джеджелава собрал юношескую сборную Москвы из пацанов разных годов рождения — и в Тушине устроил матч со своей командой. Почти там же, где сейчас «Спартак» стадион будет строить! Такой вот оборот судьбы. Территория принадлежала военно-воздушным силам, и был там небольшой стадиончик с двумя финскими домиками, где мы переедывались и принимали душ. Так я в первый раз сыграл против команды мастеров.

Увидел тогда знаменитого вратаря Михаила Пираева — и так испугался! Страшнее человека не было: усищи, нос, глаза, шаровары втрое шире него... Кто мог подумать, что совсем скоро мы с ним вместе будем за «Спартак» играть и чемпионами станем и что он окажется потрясающей души человеком? А тогда мы им проиграли 0:5, но после матча Джеджелава одного меня подозвал к своей черной иномарке и записал адрес.

Но сначала я все-таки попал в армию в Подольск — учился на стрелка-радиста. И хоть играл в футбол и получил в связи с этим определенные привилегии — вместо пяти километров пешком с песнями, которые нужно было идти до бани, старшина разрешил на автобусе ехать — на попадание в команду мастеров ВВС не было никаких надежд. Но вдруг — телеграмма в штаб, чтобы меня на срок четыре дня отправили на сборы в Сочи.

Изначально в ВВС меня хотел видеть Джеджелава, а приезжаю — там играющим тренером Всеволод Бобров. Какой бы ни был великий, но я это воспринял как трагедию — он же меня вообще не знал! Тогда мы и подружились с Вале́й Бубу́киным, и остались дружны после того, как он оказался в «Локомотиве», а я — в «Спартаке».

А Всеволод Михайлович относился ко мне как к младшему брату. Хотя и матом иногда так поливал, что я думал: «Закончу-ка с этим футболом». У меня все внутри дрожало. Он считал, что я должен все делать так же, как он. Но тренировка закончится, он обнимет, скажет пару теплых слов — и сразу весь страх спадет. В паре со мной тренировался только Бобров. До того, как начал с ним работать, я не представлял, куда у меня мяч после удара по-

летит. А при нем уже стал присматриваться, кто и как бьет, и в первую очередь — как это делал сам Бобров.

Я бил с обеих ног, хотя был правой. Будучи пацаном, в пионерлагере как-то ногой засадил в кочку — играли-то босиком. Большой палец распух, я едва ходил. А играть хотелось, и пришлось отрабатывать удары левой. Бить правой не мог долго и во дворе лупил мяч о трансформаторную будку — так и научился. Симонян же уже в «Спартаке» объяснил мне, как распределять силы. У меня их был вагон, системы никакой в движении вообще не было, и Никита сказал:

— Что ты бегаешь без остановки? Распределяй силы, чтобы хватило на весь матч!

А я еще с детства хотел быть везде, играть с утра до вечера, пока солнце не сядет. Поиграл, краюху черного хлеба съел, водички из-под крана попил — и опять играть. Эту мою неутомимость отметил много лет спустя капитан английского «Вулверхэмптона» Билл Райт, когда мы их 3:0 обыграли. Было сколь приятно, столь и неожиданно. Он, игрок сборной Англии, сказал, что восьмой номер «Спартака» сделал больше, чем любые двое из его команды!

А знаете ли вы, что, когда в 1953 году разогнали ВВС и я перешел в «Спартак», — вскоре и Бобров там оказался? И опять тренировался только со мной в паре. Возможно, кстати, что это он и поспособствовал тому, чтобы я именно в «Спартаке» оказался. Он считал меня подходящим под спартаковский стиль.

Бубука его называл — Михалыч. А я не мог — только по имени-отчеству. Бобров пытался меня переучить, говорил, что в футболе нужно короче. Но вот не получалось у меня — и все. Так всю жизнь и называл его полностью — Всеволодом Михайловичем.

Мне страшно повезло, что попал к Боброву, видел, как он играет, работал вместе с ним. Я же киевскому «Динамо» свой первый гол за ВВС с его передачи забил! Это был единственный раз, когда лично видел Василия Сталина. Первый тайм закончился ничьей, 1:1. Я, молодой, сидел в запасе. В перерыве заходим в раздевалку — а там младший Сталин гремит:

— Ни шагу назад! Все вперед — и чтобы была победа!

Тут входит Бобров. И говорит:

— Василий Иосифович, дайте одну секундочку...

Тот тут же тихо сел в кресло в углу: уважал Бобра. Вообще, Сталин-младший хороший человек был, но его сгноили... И я краем уха услышал, что он сказал второму тренеру, чтобы меня выпустили. Тут же это передали мне. А у меня же еще ни одной игры в основном составе не было — так такой «кондратий» забил, что шнурки никак не мог завязать. Но когда на поле выбежал — все сразу прошло. Получил мяч, сразу отдал пас Боброву, тот мне в «стенку» вернул — и я ка-ак засадил в «девятку»!

В 1953-м, уже в «Спартаке», опять играем с Киевом, и вновь я в запасе. Это был один из немногих матчей, которые за красно-белых сыграл Бобров. Первый тайм — 0:0. А в защите у киевлян играли Лерман, Голубев — бойцы! Лерман однажды так Боброва встретил, что Всеволод Михайлович на беговой дорожке несколько секунд на голове стоял. Дорожка была гаревой, и когда Бобер встал, у него все лицо было черным.

В перерыве его спросили, будет ли он во втором тайме играть.
— Буду! — отвечает.

И два таких гола положил! Получив пас от Симоняна в углу штрафной, подрезал мяч через двух защитников — так, что они столкнулись друг с другом. А Бобров выбегает один на один, по-хоккейному Макарова в один угол кладет, а мяч — в другой. И потом — еще один такой же гол. В результате 2:0 выиграли. Абсолютно гениальный футболист был. Наверное, самый гениальный из всех, с кем я когда-либо встречался.

Когда ВВС расформировали, Бобров вроде бы закончил — какое-то время вообще нигде не играл. И вдруг они в начале лета 1953-го вместе с Толей Башашкиным в «Спартаке» оказываются! Приняли его в команде потрясающе — авторитет-то гигантский. И спартаковцем он себя почувствовал настоящим, хоть большую часть карьеры в ЦДКА играл. Подходил он нам по своей игре идеально.

Сыграл он за «Спартак», к сожалению, всего четыре официальных матча. Много травм было, а в 1954-м ему вообще в футбол играть запретили. Руководство так решило, чтобы сберечь его для хоккея. Ноги-то у него постоянно опухшие были, он их черт-те сколько перебинтовывал. За какой вид спорта ни брался — все хорошо делал. Говорил: «Талант в футболе — талант во всем».

Бобер ведь стал единственным тренером, при котором хоккейный «Спартак» две золотые медали выиграл! Когда он пришел

в «Спартак», там были такие фигуры, как братья Майоровы и Старшинов, и поначалу они его не особо восприняли. Но как он показал, что умеет — подняли руки: «Сдаемся!» И заиграли так, что даже ЦСКА с ними ничего поделаться не смог.

Обидно было, что ему за 1953 год в футбольном «Спартаке» золотую медаль не дали, поскольку он половины матчей не провел. Ладно у меня такая же ситуация — начинающий, еще успею. А вот что обделили его, внесшего лепту в победу... Сейчас даже тех, кто не провел ни одной игры, медалью награждают. По такому принципу я должен был получить золотые медали за 1953-й, а также за 1962-й. А ведь тогда я, несмотря на присутствие Нетто, был выбран капитаном и провел пять или шесть матчей...

Бобров был потрясающей личностью. Вообще не пижон — при такой-то славе! Умница, он к любому человеку относился так же, как Симонян: и того, и другого какой-нибудь забулдыга мог подозвать, и они останавливались, полчасика с ним говорили.

— Зачем тебе это нужно? — спрашивал я Симоняна.

— Ты не понимаешь, — объяснял Никита. — Сейчас он за «Динамо» больше переживает, а завтра скажет, что вот с Симоняном по душам поговорил — и теперь он за «Спартак»!

Никита и меня приучал общаться с людьми так же.

И Бобер такой же был. Когда мы выиграли чемпионат в 1969-м, пригласили его на банкет в узком кругу и замечательно посидели. Но когда он выпивал, иногда выходил из-под контроля — и так чудил! Однажды мы с ним и с Симоняном сидели в отдельном кабинете ресторана «Арабат». Он, уже под градусом, решил прогуляться по залу. Я — за ним, чтобы он не сотворил чего-нибудь.

Бобров увидел открытую кабинку, в которой сидели две девушки и два парня. И вдруг он подтянулся — и с ногами к ним за стол прыгнул! Они как выскочили на него! Слава богу, Симонян все уладил, иначе началась бы заварушка. Я его схватил и потащил обратно в кабинет, чтобы больше ничего не натворил.

И Стрельцов таким же по молодости был: сто грамм выпьет — и попер. Кого хочешь поколотит! Я абсолютно уверен, что никого он не насиловал, потому что не был на это способен, а вот побить и вправду мог. За ту жуткую историю с ним, Огоньковым и Татушиным я немного свою вину чувствую. Мы дружили с Татушиным.

И получилось так, что в 1958 году весной у меня была порвана мышца задней поверхности бедра. А когда вылечился, сборная СССР проводила последнюю контрольную встречу перед отъездом в Швецию — против спартаковского дубля в Тарасовке. Дубль выиграл 3:1, а я в его составе два мяча забил!

И меня захотели оставить на сборах. Но я сказал:

— Если поеду в Швецию — останусь. А так что буду здесь сидеть?

Не надо было мне торопиться, дураком быть, — промолчал бы, мог и на чемпионат мира попасть. Сам не сообразил, что говорю. Тренеры пошли совещаться и, вернувшись, сказали:

— Ты мало тренировался, поэтому в Швецию не поедешь.

«Как это: мало тренировался — а два гола им забил?» — думаю. Короче, уехал на три дня за город отдыхать. Возвращаясь, а мне рассказывают об этой истории. Я обалдел. И понял, что, если бы остался, — ничего бы не произошло. За это себя и корю. Ни за что не допустил бы, чтобы в компании с Татушиным оказались Стрельцов и Огоньков.

Еще до ВВС я был учеником токаря на том самом карбюраторном заводе, где работали родители. Хотел как-то помочь матери. Но меня, маленького, никуда не брали. А в нашем доме жил мастер инструментального цеха, душевный человек, любил меня как сына. К нему и устроился.

Я даже через крыши убегал с завода смотреть игры «Спартака». Игру посмотрел, опять через крышу прибежал — и в цех.

— Где был? — спрашивал начальник цеха.

— Курил.

— Сколько ж ты мог курить? — хмурил он брови.

А директором карбюраторного завода был Василий Поляков, бывший правый защитник «Торпедо». Крупный дядечка, на Карасика из фильма «Вратарь» похож. И вдруг он в наш цех приходит и меня спрашивает. Я испугался: директор завода, за ним свита... Подошел — и вдруг интересуется, где игра в следующее воскресенье. Говорю, что на «Шерстянике» (сейчас там стадион «Труд»). Он сказал, что обязательно придет посмотреть. А его друзьями были Анатолий Акимов, а также Николай Петрович Морозов, будущий главный тренер сборной СССР.